

КОНЦЕПТ ИСТОРИЯ В КИТАЙСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (ПО КНИГЕ А. МАСЛОВА "КИТАЙ: КОЛОКОЛЬЦА В ПЫЛИ")

В книге А. Маслова исследуются основы китайской концептуальной картины мира, обусловившие устойчивость китайской цивилизации, ее "особую витальную силу, живучесть традиций, которые практически в неизменном виде дошли до сегодняшнего дня из глубокой древности" [1, с. 9]. Когнитивными стратегиями работы А. Маслова можно определить выделение ключевых концептов китайской культуры на основе сравнения с базовыми понятиями западной христианской культуры и их анализ от буквального толкования языковых знаков, вербализующих данные концепты, до их бытования и развития в классических текстах.

А. Маслов пишет книгу, рассчитывая на читателя с европейскими представлениями, поэтому его концептуализация Китая как цивилизации отличающейся в своих основах часто формулируется от противоположного: "Китайская цивилизация создала удивительное пространство священного бытия, абсолютно непохожее на то, в котором живет западная традиция. Самое сокровенное – здесь самое истинное, и воистину существует лишь то, что невидимо или кажется иллюзорным. Мудрецы здесь "рядятся в холщовые одежды, но в душе берегут драгоценную яшму", "добиваясь успеха, тотчас отступают". Здесь истинная Благодать всегда потаенна и сокрыта, а мир воспринимается не напрямую, а как аллюзия, аналогия или метафора" [1, с. 8].

Ключевым, с точки зрения А. Маслова, концептом китайской картины мира является **история**, в отличие от западной традиции, в которой Бог является тем понятием, которое организует мировоззрение. Поэтому и описание китайской картины мира должно опираться не на воссоздание смысла ритуалов или верований, а на анализ истории как концепта: "Значительно интереснее самоощущение человека в том пространстве сакрального бытия, которое он себе создал. Человек восточный мыслит не религиозными образами, не сопоставляя себя с Богом как с идеальной точкой, а стремится найти свое место в священном пространстве того, что он именует "историей". И поэтому китайцы обладают чрезвычайно развитым чувством истории, своего исторического бытия. Примечательно, что в отличие от многих других ныне живущих народов китайцы полностью отождествляют себя со своими историческими предками и героями: Хуан-ди, Конфуцием, не только ощущая себя прямыми наследниками их мудрости, но буквально воспринимая их как родственников" [1, с. 9-10].

Проводя аналогии между концептом *Бог* в западной традиции и концептом *история* в восточной, А. Маслов пишет: "Познание истории заменило в Китае познание Бога, соответствие историческим аналогам – моральные уложения и религиозные предписания" [1, с. 11].

Само историческое событие воспринимается китайцами всегда оценочно, всегда положительно; при необходимости имевшее место событие или ситуация, как и способ поведения в ней, рассматриваются как образец для подражания либо как оправдание: "История была нужна прежде всего как описание прецедентов из жизни великих людей, тех случаев или примеров, которым надо следовать. Сам же прецедент превращался в доказательство правильности всех подобных поступков, которые совершались людьми последующих поколений" [1, с. 10]. При этом нынешний период всегда осмысливается китайцами как неудача, как отступление от канона древности.

Метафорически *история* сравнивается Масловым со спектаклем, а носитель китайской картины мира – со зрителем, который не просто смотрит спектакль, но пытается понять, пережить то, чему является свидетелем, а главное – постоянно учится у исторических персонажей, ведь любой имевший место в истории поступок или способ поведения является для него образцом для подражания. История, понимаемая и оцениваемая как 'безошибочная' и 'полная великих деяний', становится прототипом, сценарием поведения для китайца в любой ситуации, а знание истории является необходимой составляющей прототипа человека, "благородного мужа", основной признак которого – 'стремящийся к самосовершенствованию'. А. Маслов связывает также понимание *истории* как "причудливой трансформации вечности" [1, с. 12] с ключевым для китайской картины мира концептом *Дао-путь*.

Интересно, как в рамках концепта *история* формируются представления об *историке*: это был человек, который "отвечал за правильность соблюдения церемоний и хранение знаний об истинном виде ритуалов" [1, с. 10]. Таким человеком был Лао-цзы, должность которого в литературе описывается как "хранитель архивов" или "библиотекарь". Конфуций, который, по преданию, приезжал к Лао-цзы спросить о формах ритуала, попадает, в понимании А. Маслова, в ту же категорию людей, которые "видели в ритуале возможность установления связи с духами предков, первых китайских мудрецов и обнаружения себя в пространстве священной истории" [1, с. 10]. Концептуализация историка как человека, отвечающего за правильность диалога между человеком и духами, отразилась в начертании иероглифа *ши*, обозначающего "историю": рука, держащая небольшой лук и стрелу – символ священного направляющего руководства.

Другое обозначение исторического процесса – *зу цзинь* (древность-современность) – отражает концептуализацию истории, в рамках которой любое событие современного мира рассматривается как неслучайное, зависимое от "древнего прецедента".

Итак, история в китайском мировоззрении, по А. Маслову, – "это священный проводник, данный в виде деяний великих правителей, первопредков и выдающихся людей" (1, с. 10). Возможность соотнести себя с историей, с деятельностью предков является основой самосознания китайца, любое историческое событие мыслится им как событие личной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслов А.А. Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала / А.А. Маслов. – М., 2003.